«НОВАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕГРАЦИИ И РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА С США

Дильшод Олимов

Независимый исследователь по PhD в УМЭД,

Директор Центра энергетической дипломатии

и геополитики при ИПМИ

Аннотация. В статье анализируются процессы консолидации «Новой Центральной Азии» в условиях беспрецедентного системного кризиса 2026 года и трансформации внешней политики США от стратегии демократизации к «геополитическому реализму». На фоне военного конфликта вокруг Ирана и блокады Ормузского пролива исследуется роль региона как активного субъекта международной интеграции. Рассматриваются финансовые инструменты США (DFC, USAID), экспансия ядерных технологий (SMR) и институционализация Срединного коридора (TMTM). Автор формулирует концепцию инвестиционного «split-screen» и стратегии защиты цифрового суверенитета как необходимых условий сохранения независимости региона в условиях конкуренции сверхдержав.

Ключевые слова: *Новая Центральная Азия, региональная интеграция, геополитический реализм, C5+1, энергетическая дипломатия, Срединный коридор (TMTM), малые модульные реакторы (SMR), суверенитет данных, DFC.*

Annotatsiya. Maqolada 2026-yildagi mislsiz tizimli inqiroz va AQSH tashqi siyosatining demokratlashtirish strategiyasidan “geosiyosiy realizm”ga o‘tishi sharoitida “Yangi Markaziy Osiyo”ning konsolidatsiya jarayonlari tahlil qilinadi. Eron atrofidagi harbiy mojaro va Hormuz bo‘g‘ozining bloklanishi fonida mintaqaning

xalqaro integratsiyaning faol subyekti sifatidagi roli o‘rganiladi. Shuningdek, AQSHning moliyaviy vositalari – DFC va USAID, yadro texnologiyalari, xususan, kichik modulli reaktorlar – SMR ekspansiyasi hamda O‘rta yo‘lak – TMTMning institutsionallashuvi ko‘rib chiqiladi. Muallif investitsion “split-screen” konsepsiyasi va raqamli suverenitetni himoya qilish strategiyasini superdavlatlar raqobati sharoitida mintaqa mustaqilligini saqlashning zarur shartlari sifatida asoslaydi.

Kalit so‘zlar: *Yangi Markaziy Osiyo, mintaqaviy integratsiya, geosiyosiy realizm, C5+1, energetika diplomatiyasi, O‘rta yo‘lak – TMTM, kichik modulli reaktorlar – SMR, ma’lumotlar suvereniteti, DFC.*

Введение

К началу 2026 года международная система вступила в фазу радикальной трансформации. После начала операций «Epic Fury» и «Roaring Lion» против Ирана 28 февраля 2026 года, паралича Ормузского пролива и разрушения прежних логистических цепочек внешнеполитическая доктрина США в Центральной Азии изменилась: антитеррористическая повестка была вытеснена концепцией «геополитического реализма».

Вашингтон стал рассматривать Центральную Азию как инструмент логистического и технологического отсечения РФ и КНР от ресурсов и технологий. Для этого США усилили формат С5+1, подняв его до президентского уровня в сентябре 2023 года, а также запустили Диалог по критическим минералам и бизнес-форум В5+1. В результате регион превратился в «Новую Центральную Азию» — активный субъект, вынужденный балансировать между конкурирующими центрами силы.

Финансовая база новой стратегии отражает переход США от грантовой демократизации к инфраструктурному прагматизму. Бюджетный запрос USAID для Центральной Азии на 2025 финансовый год составил $176 млн, что ниже уровня 2023 года, однако финансирование экономического роста и интеграции

было увеличено. В запросе на 2026 год также предусмотрено сокращение поддержки институтов мягкой силы, включая NED и Центр Восток-Запад, как не отвечающих ключевым национальным интересам США.

Сокращение традиционного донорского финансирования компенсируется расширением инвестиционного инструментария DFC. Конгресс увеличил лимит условной ответственности DFC с $60 млрд до $205 млрд, а на 2026 год для корпорации запрошено $803 млн, включая $573 млн на прямые программы. Особое значение имеет запрос $3 млрд на создание фонда прямых инвестиций для участия в капитале стратегических зарубежных предприятий. Этот механизм нацелен на перехват контроля над критическими минералами и энергетическими сетями, превращая страны Центральной Азии в участников глобального аукциона влияния, где доступ к западным технологиям и капиталу связывается с санкционной лояльностью.

Финансовый инструмент США	**Объем**	**Целевой сектор в Центральной Азии**	**Риски для стран-реципиентов**
Лимит инвестиций DFC (MCL)	$205 млрд	Добыча критических минералов, логистика	Зависимость от политического комплаенса и внешнего аудита
USAID Power Central Asia	$53,3 млн	Регуляторная база, диспетчеризация сетей	Утечка данных энергосистемы, внедрение внешнего управления
U.S. Project Vault (EXIM)	$10 млрд	Стратегический резерв редких металлов США	Превращение ЦА в сырьевой придаток без локализации переработки
DFC Equity Revolving Fund	$3 млрд (2026)	Вхождение в капитал	Утрата суверенного контроля над национальными активами

		стратегических АО	

Энергетический и технологический фронт

Операционная экспансия США в энергетическом секторе Центральной Азии реализуется главным образом через программу USAID «Power Central Asia» (PCA) и проектные инвестиции DFC. При заявленном бюджете PCA в $39 млн на 2020–2025 годы и дополнительном транше $14,3 млн программа декларирует создание регионального рынка электроэнергии CAREM и поддержку перехода к чистой энергетике. Однако на практике значительная часть средств направляется на услуги американских подрядчиков, включая Tetra Tech, Inc., разработку нормативных документов, из которых правительствами внедрены лишь 3 из 16, а также закупку программно-аппаратных комплексов для сбора данных о национальных энергосетях. Показателен пример передачи в январе 2023 года КДЦ «Энергия» в Ташкенте оборудования и ПО на $1,4 млн, что обеспечивает американским специалистам легальный доступ к телеметрии региональных перетоков мощности.

Несмотря на заявления USAID о содействии привлечению $2,2 млрд инвестиций в чистую энергетику и контрактовании 2 241 МВт новых мощностей, основные финансовые риски несут страны-реципиенты и международные банки развития – АБР, ЕБРР и Всемирный банк. Инвестиционная структура DFC подтверждает приоритет геоэкономических интересов США: в 2024 году из $12 млрд глобальных обязательств средства в Евразии направлялись прежде всего на проекты, связанные с вытеснением конкурентов. Если $350 млн выделяются на 750 МВт ветровой генерации в Турции для снижения зависимости от российского газа, то в Центральной Азии акцент сделан на добыче стратегического сырья. В частности, DFC инициировала LOI до $700 млн для разработки вольфрамовых месторождений в Казахстане в рамках глобального консорциума Orion Critical Minerals. Это показывает, что технологический

трансфер в энергетике финансируется вторично, тогда как добыча критически важного сырья получает приоритетную поддержку американского капитала.

Битва за базовую генерацию: экспансия SMR и ВИЭ

Стратегической уязвимостью объединенной энергосистемы Центральной Азии становится дефицит балансирующих мощностей на фоне ускоренного ввода ВИЭ. США используют эту проблему для продвижения своих ядерных технологий и конкуренции с «Росатомом» и китайской CNNC, превращая базовую генерацию в ключевой фронт борьбы за долгосрочное влияние на макроэкономику региона.

После выбора Казахстаном «Росатома» лидером консорциума по строительству первой крупной АЭС США активизировали продвижение малых модульных реакторов в рамках программы FIRST. В декабре 2025 года в Казахстанском институте ядерной физики в Алматы был развернут учебный симулятор SMR, поставленный Holtec International и WSC Inc. при поддержке МНТЦ. Одновременно Sargent & Lundy начала разработку ТЭО по внедрению SMR в Казахстане с оценкой технологий NuScale и GE-Hitachi.

В Узбекистане конкуренция за атомную генерацию проявилась еще острее. Несмотря на обновленное соглашение с «Росатомом» о строительстве интегрированной АЭС в Джизакской области с двумя реакторами ВВЭР-1000 и двумя малыми РИТМ-200Н, западные компании продвигают альтернативные решения. В 2025 году японская Muroosystems Corporation и германская Nukem Technologies подписали меморандум с «Узатомом» о внедрении SMR мощностью 50 МВт для локального энергоснабжения центров обработки данных.

Главный риск заключается в технологическом замещении одной зависимости другой. Интеграция американских или лицензированных США модульных реакторов может создать многолетнюю зависимость стран Центральной Азии от проприетарного топлива HALEU, эксклюзивного

технического обслуживания и норм американского ядерного экспортного контроля. В результате базовая генерация может превратиться в устойчивый инструмент геополитического давления.

Институционализация Срединного коридора (ТМТМ)

В логистическом измерении США концентрируют беспрецедентные усилия на перенаправлении евразийских товарных потоков в обход территории Российской Федерации. Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ, Срединный коридор) рассматривается Вашингтоном не просто как экономическая артерия, а как инструмент физической изоляции Центральной Азии. Динамика грузооборота по ТМТМ демонстрирует устойчивый рост: объем перевозок достиг 4,5 млн тонн в 2024 году (рост на 62% к 2023 году), при этом только за первые семь месяцев 2025 года было перевезено более 24 000 контейнеров. Целевой ориентир, озвученный профильными министерствами, составляет 10 млн тонн к 2027 году. По оценкам Всемирного банка, при надлежащих инвестициях объемы торговли между Азербайджаном, Грузией и Казахстаном к 2030 году вырастут на 37%, а с ЕС – на 28%.

Однако беспристрастная оценка выявляет реальные инфраструктурные ограничения, угрожающие транзитной непрерывности. Коридор требует многократной мультимодальной перевалки грузов (железная дорога – морской паром – железная дорога), что увеличивает время транзита до 18–22 дней даже при благоприятных логистических условиях, лишая маршрут операционной конкурентоспособности перед стабильными морскими перевозками и Северным коридором. Уровень износа железнодорожных путей в Казахстане достигает 57%, что на фоне ограниченной пропускной способности портов Актау и Курык, а также падения уровня воды в Каспийском море, создает перманентные узкие места.

Финансовое участие США в развитии ТМТМ носит характер институционального катализатора: Вашингтон использует инструменты DFC и гарантии USAID для снижения политических рисков, параллельно мобилизуя европейский суверенный капитал. В рамках программы Global Gateway Европейский Союз обязался инвестировать €12 млрд в Центральную Азию, из которых €3 млрд напрямую выделены на развитие транспортной инфраструктуры Срединного коридора, а €2,5 млрд – на цепочки поставок критических минералов. Контроль узких мест логистики через внедрение западных стандартов финансового клиринга и цифровизации таможенных процедур позволяет США диктовать операционные условия, выстраивая барьеры против проникновения китайского и российского капитала в управление коридором.

Санкционный комплаенс как щит: блокирование МТК "Север-Юг"

Единственным реальным конкурентом Срединного коридора по скорости и стоимости в регионе выступает мультимодальный Международный транспортный коридор (МТК) «Север-Юг» (INSTC), соединяющий Россию с Индией через территорию Ирана. При протяженности 7 200 км маршрут обеспечивает сокращение времени доставки на 40% (до 15–25 дней вместо 45 через Суэцкий канал) и снижение контейнерных затрат на 30%. По итогам 2023 года объем перевозок по INSTC составил 30 млн тонн, с утвержденным планом наращивания мощности до 45 млн тонн к 2030 году.

США используют жесткий санкционный комплаенс как безальтернативный инструмент логистического удушения южного вектора. Финансовый клиринг по маршруту INSTC парализован из-за отключения ключевых российских и иранских банков от системы SWIFT, что лишает контрагентов доступа к расчетам в долларах через CHIPS и Fedwire. Попытки РФ и Ирана внедрить альтернативную расчетную систему BRICS Bridge (на базе

цифровых валют центральных банков), способную снизить транзакционные издержки на 40%, сталкиваются с агрессивной угрозой вторичных санкций Минфина США против любых подключившихся финансовых институтов стран ЦА.

Контроль над глобальным страхованием (marine insurance) является наиболее эффективным механизмом блокирования. Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) США оказывает беспрецедентное давление на клубы взаимного страхования (P&I Clubs), базирующиеся в Великобритании и ЕС. Через внедрение добровольного механизма отчетности по страхованию (VIRM), инициированного странами Nordic-Baltic 8++, США идентифицируют суда "теневого флота", лишая их легитимного страхового покрытия (Blue Cards), что автоматически приводит к отказу портовых властей принимать грузы, следующие по транскаспийскому сегменту INSTC. Дополнительным рычагом давления выступает непредсказуемое «ручное управление» санкционными исключениями: в конце 2025 года Госдепартамент США внезапно отзывал, а затем восстанавливал исключение из-под санкций (IFCA) для иранского порта Чабахар. В начале 2026 года администрация США пошла еще дальше, издав указ о введении 25-процентных тарифов для стран, торгующих с Ираном. Эта волатильность и жесткие тарифные ультиматумы демонстрируют способность Вашингтона одним решением парализовать инвестиции ЦА в южную логистику, вынуждая регион перенаправлять грузы в Срединный коридор.

Региональная декомпозиция рисков

Внедрение американской стратегии провоцирует фрагментацию Центральной Азии, где каждая республика сталкивается с уникальным набором суверенных рисков.

Казахстан: конфликт институциональных баз

Республика Казахстан является центральной ареной, где конфликт макрорегиональных контуров переходит в фазу прямой корпоративной конфронтации. С одной стороны, накопленный объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в РК на 1 января 2025 года достиг $166 млрд, из которых $40,1 млрд приходится на капитал США, глубоко укоренившийся в углеводородном секторе (Тенгиз, Кашаган, Карачаганак). С другой стороны, экономика Казахстана жестко привязана к институциональной базе Евразийского экономического союза (ЕАЭС): объем взаимных прямых инвестиций внутри союза в первой половине 2025 года достиг рекордных $48,4 млрд, при этом Казахстан аккумулировал $9,4 млрд входящих и $3,25 млрд исходящих внутрирегиональных ПИИ.

Фундаментальный риск кроется в транзитной зависимости: около 80% экспорта казахстанской нефти (56 млн тонн или 1,04 млн баррелей в сутки) перекачивается через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) на российский терминал в Новороссийске. Атаки украинских беспилотников на выносные причальные устройства (ВПУ) в Черном море используются западной дипломатией как фактор нестабильности, принуждающий Казахстан к форсированному переходу на транскаспийские маршруты (ТМТМ), финансируемые западным капиталом. США, действуя через DFC и многонациональные корпорации (визит К. Токаева в США закрепил контракты с Mars на $180 млн и планы поставок Boeing 787 для Air Astana к 2026 году), предлагают инвестиции в обмен на дистанцирование от РФ. Параллельно DFC инициирует инвестиции в добычу вольфрама ($700 млн), вторгаясь в зону традиционных интересов КНР. Это ставит Астану перед угрозой системного конфликта с Москвой и Пекином, где проникновение американского капитала подрывает сложившийся баланс сил.

Туркменистан: риски вовлечения в оперативную конфигурацию США

Для Туркменистана, обладающего четвертыми по величине запасами природного газа в мире, ключевым риском является размывание конституционного нейтралитета через втягивание в оперативную конфигурацию безопасности США в Каспийском море и на афганском направлении. Вашингтон последовательно наращивает присутствие, используя предлог защиты границ от наркотрафика и инфильтрации террористов: ранее США передали Ашхабаду патрульные катера для береговой охраны Каспия и 40 внедорожников для пограничников.

В энергетическом секторе США используют дипломатическое давление для стимулирования экспорта туркменского газа на западные рынки через Транскаспийский газопровод (в обход вето РФ и Ирана) и на юг через трубопровод ТАПИ. Это направлено на диверсификацию поставок Ашхабада, более 80% которых в настоящее время замыкается на Китай. Параллельно США интегрируют Туркменистан в глобальную климатическую повестку: в рамках Глобального обязательства по метану разрабатывается дорожная карта на 2025–2026 годы, предполагающая модернизацию нефтегазовой инфраструктуры за счет западных кредитов и технологий. В условиях нарастающей военной нестабильности вокруг Ирана и блокировки МТК «Север-Юг», допуск американских подрядчиков и технологий на туркменское побережье Каспия создает риск превращения страны в передовую базу геополитической напряженности, что неминуемо вызовет реакцию соседних держав.

Таджикистан: асимметричная долговая зависимость

Таджикистан находится в состоянии критической суверенной и долговой уязвимости перед КНР, что делает его объектом манипуляций в аукционе влияния. По состоянию на 1 января 2026 года совокупный государственный долг Таджикистана составил $3,5 млрд (19,2% ВВП), из которых свыше $3 млрд – внешний долг. На долю Китая, преимущественно через Экспортно-импортный

банк Китая (предоставивший кредиты под 2-2,5%), приходится абсолютное большинство двусторонней задолженности – около $821 млн. На обслуживание внешнего долга в 2026 году запланировано $548 млн, что создает колоссальную нагрузку на бюджет.

Для конвертации этой долговой массы в физические активы Пекин уже сократил объемы гуманитарной помощи Душанбе почти вдвое – с $42,9 млн до $22 млн в 2025 году. Прецедент 2019 года, когда правительство Таджикистана в счет погашения долга за строительство ТЭЦ-2 в Душанбе передало китайской компании права на разработку двух крупных золотых месторождений, наглядно демонстрирует механизм асимметричной ресурсной зависимости.

США и их союзники используют этот долговой стресс для вытеснения китайского капитала. Главным инструментом перехвата контроля выступает Рогунская ГЭС (общая смета проекта превышает $6,4 млрд). В 2024–2025 годах Всемирный банк выделил грант в $350 млн (с утверждением транша еще на $300 млн), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций одобрил $500 млн, а Исламский банк развития и арабские фонды (Саудовский, Кувейтский, фонд ОПЕК) суммарно обязались предоставить $450 млн. Замещая китайские кредиты массивным пакетом многостороннего западного финансирования, США получают опосредованный, но мощный рычаг управления водно-энергетическим балансом всего макрорегиона (включая будущий экспорт электроэнергии по линиям CASA-1000).

Рекомендации для Узбекистана

Анализ глобальной конъюнктуры диктует необходимость прагматичной трансформации внешнеполитического и экономического курса Республики Узбекистан. Текущая фрагментация требует окончательного перехода от декларативной, размытой многовекторности к жесткому капитализированию конкуренции сверхдержав. Задачей Правительства является конвертация

геополитических рисков в трансфер технологий и модернизацию инфраструктуры.

1. Инвестиционный «Split-Screen» (Жесткое секторальное разделение)

Узбекистану необходимо институализировать политику инвестиционного «split-screen» – искусственного карантинирования стратегических секторов экономики, распределяя их между конфликтующими мировыми центрами капитала для недопущения формирования технологической монополии.

- **Распределение базовой и балансирующей генерации**:

Инвестиционный портфель в сфере генерации уже демонстрирует успешные примеры диверсификации. В декабре 2025 года Узбекистан запустил 42 объекта энергоинфраструктуры общей стоимостью $11 млрд (мощностью 3,5 ГВт). В секторе ВИЭ доминируют компании стран Залива и ЕС: саудовская ACWA Power реализует проект ветропарка на 5 ГВт в Каракалпакстане и успешно ввела в эксплуатацию крупнейшую в регионе систему накопления энергии (BESS) в Риверсайде на 334 МВт/501 МВт·ч; эмиратская Masdar строит СЭС мощностью 300 МВт и BESS на 75 МВт·ч в Гузаре (с кредитной линией АБР в $30 млн); французская Voltalia законтрактовала гибридный проект «Артемисия» на 526 МВт. Строительство базовой ядерной генерации, закрепленное за «Росатомом» (интегрированная АЭС мощностью 330 МВт в Джизакской области), должно быть жестко уравновешено допуском американских и японских технологий в нишу локальных энергоустановок. Пилотный проект Muroosystems Corporation и Nukem Technologies (SMR на 50 МВт) необходимо масштабировать, привлекая гранты DFC, тем самым сталкивая Росатом и Westinghouse/Holtec на локальном рынке.

- **Локализация добавленной стоимости в добыче критических минералов**: Подписанный 4 февраля 2026 года в Вашингтоне Меморандум о взаимопонимании (MoU) с США по критическим минералам и последовавшее 19

февраля подписание с DFC коммерческих принципов (heads of terms) по созданию совместной инвестиционной холдинговой компании (U.S.–Uzbekistan Joint Investment Holding Company) переводят партнерство в фазу практического финансирования. **Однако данный процесс** необходимо рассматривать через призму запущенной параллельно программы «Project Vault» – инициативы Экспортно-импортного банка США (EXIM) с капиталом в $10 млрд по экстренному формированию стратегического резерва минералов. Это доказывает, что конечная цель Вашингтона – не развитие узбекского экспорта на глобальные рынки, а прямая консервация узбекского урана, вольфрама и лития в суверенных хранилищах США. Поэтому допуск корпораций США к недрам должен сопровождаться жестким законом: обязательная стопроцентная локализация добавленной стоимости. Экспорт сырой руды должен быть запрещен. Лицензии выдавать только под строительство обогатительных и металлургических заводов внутри РУз.

2. Технологический трансфер и суверенитет данных

Доступ американского капитала к транспортным транзитным коридорам и ресурсам должен предоставляться исключительно в пакете с обязательным трансфером критических цифровых технологий.

- **Монетизация нормативной базы**: Вступивший в силу 21 января 2026 года Закон № ЗРУ-1115 не только смягчил требования статьи 27.1 Закона «О персональных данных» (сняв барьеры локализации серверов, стоившие экономике до $4,5 млрд в год из-за блокировки выхода PayPal и AWS), но и впервые ввел жесткую административную ответственность за незаконную обработку персональных данных с использованием искусственного интеллекта. Эта нормативная гибкость должна стать инструментом торга. Трансграничная передача некритических коммерческих данных разрешена, однако для операторов финансовых и биометрических данных требования локализации

сохраняются. Это должно использоваться для принуждения глобальных IT-компаний к физическому размещению корпоративных центров обработки данных (ЦОД) в Узбекистане.

- **Энергия в обмен на вычисления**: Реализуемое партнерство с саудовской корпорацией DataVolt (инвестиции в размере $5 млрд на строительство «зеленых» ЦОД мощностью до 500 МВт) должно быть закреплено как безальтернативный стандарт. США анонсировали поставки суперкомпьютеров на базе чипов NVIDIA (конец 2025 года) и создание Центра промышленного искусственного интеллекта стоимостью $3 млн (2026 год). Любые льготы и преференции для технологических корпораций США по размещению вычислительных кластеров искусственного интеллекта на территории РУз должны жестко сопровождаться их финансовыми обязательствами по софинансированию автономной энергетической инфраструктуры (установки SMR или кластеры ВИЭ с батарейными накопителями BESS), обслуживающей данные мощности.

3. Логистическая многовекторность и хеджирование рисков

Логистическая доктрина Узбекистана должна балансировать между извлечением максимальной финансовой выгоды из американских программ по изоляции РФ и минимизацией рисков от санкционной дубины OFAC.

- **ТМТМ как оплачиваемая страховка**: Финансовые потоки, выделяемые США (через USAID и DFC) и ЕС (через ЕБРР и EIB в рамках Global Gateway) на институционализацию Срединного коридора, необходимо утилизировать для модернизации национальной железнодорожной сети и цифровизации таможенной инфраструктуры Узбекистана. При этом недопустимо брать на себя обязывающие политические гарантии по блокировке транзита по Северному коридору (через РФ). Срединный коридор должен рассматриваться исключительно как профинансированный Западом

хеджирующий актив на случай полной форс-мажорной блокады РФ, а не как основная экономическая артерия, учитывая его объективные инфраструктурные пределы (высокая себестоимость, сроки транзита в 18–22 дня, зависимость от погоды на Каспии).

- **Параллельное развитие независимых южных контуров**: В условиях, когда санкционный аппарат США демонстрирует способность одним росчерком парализовать МТК «Север-Юг» и работу иранских портов (манипуляции с вейверами для порта Чабахар), Узбекистану следует рассматривать иранское направление как высокорисковое. Главным логистическим приоритетом должно стать форсированное привлечение арабских и китайских инвестиций в строительство Трансафганской железной дороги (Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар). Институциональное хеджирование в этом направлении уже перешло в практическую плоскость: 11 февраля 2026 года Президент РУз утвердил международное соглашение о разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) Трансафганской магистрали. Этот проект со сметой около $7 млрд и проектной пропускной способностью в 20 млн тонн грузов ежегодно должен стать главным логистическим противовесом северным и каспийским маршрутам. Доступ к пакистанским глубоководным портам Карачи и Гвадар нивелирует зависимость как от иранского транзита, так и от каспийских "бутылочных горлышек", и радикально снизит уязвимость экономики РУз перед механизмом финансового и страхового блокирования со стороны OFAC, обеспечивая подлинную транзитную независимость страны.

Политика Республики Узбекистан в краткосрочной и среднесрочной перспективе должна базироваться на прагматичной конвертации макрорегиональной напряженности в национальный технологический и инфраструктурный капитал. Любые инициативы Вашингтона в рамках формата С5+1 должны проходить через жесткий фильтр: одобрению подлежат только те

проекты, которые содержат измеримые объемы прямого финансирования ($), обеспечивают немедленный трансфер технологий и предоставляют безусловные гарантии суверенного контроля над стратегическими активами Узбекистана.

Список литературы:

1. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Отчет о внешней торговле за 2025 год. Ташкент, 2026.
2. Аналитическая записка Special Eurasia. Центральная Азия и последствия войны США и Израиля против Ирана. Март 2026.
3. Бюджетный запрос Государственного департамента США на 2025-2026 гг. Вашингтон, 2025.
4. Доклад IEA об энергетическом кризисе и блокаде Ормузского пролива. Март 2026.
5. Информационный бюллетень TITR Association: динамика перевозок по Срединному коридору. 2026.
6. Отчет Корпорации финансового развития США (DFC). Инвестиционная стратегия в Евразии. 2026.
7. Технико-экономическое обоснование железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Бишкек, 2025.
8. Указ Президента Республики Узбекистан об утверждении ТЭО Трансафганской магистрали от 11.02.2026.